

День. Мы сидим у Артема на кухне и все еще пьем пиво. Меня мучает совесть из-за Мальвины. Артема ничего не мучает. Дэн опять томится по Марине.

— Вы не представляете, — говорит он, — как четко я это видел. Мчимся мы с ней в машине в Сергиев Посад, открыты окна, солнечные зайчики прыгают по нам, ветер развеивает ее волосы, она улыбается и смотрит на меня, а я... а я... Беру ее за руку...

— Какую? — спросил Артем.

— Не помню... Какая разница? Видимо, за левую. Черт, как она могла отказаться!

И тут мне в голову пришла, как мне тогда показалось, спасительная мысль.

— Я придумал! А давайте сами поедem в Посад!

— Мы вдвоем, что ли? — усмехнулся Артем.

— Да! Прямо сейчас!

Дэн засмеялся.

— Это будет весело! Трое пьяных и обдолбанных едут в Посад.

— А кстати, в этом что-то есть, — вдруг сказал Артем. — Мы же всегда любили дерзать. Тряхнем стариной.

Дэн потер лоб, подумал.

— Ну а почему нет? — согласился он. — Хотя, парни, вы все-таки имейте в виду, что Марину вы мне не замените!

— Мариночку, — поправил его Артем.

Зазвонил домофон. Мы испуганно переглянулись.

— Ладно, не дергайтесь, — сказал Артем. — Что вы как наркоманы. Это из-за отходняка, все в порядке.

Он прошел в коридор, снял трубку. Что-то сказал. Открыл дверь в тамбур и вернулся.

— Ну что? — спросили мы с Дэном.

— Мальвина, — безразлично ответил он.

В самом деле, через пару минут появилась она. Накрашенная и улыбочивая.

— Привет, мальчики! Я соскучилась.

Подошла и чмокнула Дэна в щеку. Потом встала за его спиной, держась за спинку стула.

— Что обсуждаем?

— Едем в Посад, — сказал я холодно. — Но ты с нами не едешь.

— Ура! — воскликнула она и захопала в ладоши. — Я с вами!

— Что думаешь, Дэн? — спросил Артем.

— Мне все равно.

— Спасибо, спасибо! — И она обхватила его за шею.

Я выматерился.

* * *

— Как едем? — спрашиваю.

— На моем лэндрувере, — отвечает Артем. — Как же еще?

— Так ты выпил сегодня уже литра три пива!

— Три с половиной!

— И это не считая травы, — заметил Дэн.

— Да ладно, парни, — громко засмеялся Артем, и тут стало ясно, что он совсем пьяный, — вы знаете, сколько раз меня гаишники останавливали за последний год?

— Сколько?! — воскликнули мы.

— Ни разу! Так что вероятность очень мала...

— Ну вообще-то наоборот, — возразил Дэн. — По теории вероятности, раз так долго не останавливали, значит, должны скоро остановиться.

— Ладно, Дэн, не нуди! Едем, парни!!!

— Едем! — Мы все вскочили.

— По коням! — заорал я и кинул пустую бутылку в стену. Она разбилась.

Артем схватился за сердце:

— Блин, Горе, ты до инфаркта меня доведешь. Так, только сначала заедем кое-куда... Надо запасы пополнить, а то у меня голяк. А одним бухлом и травой жив не будешь! Кто мы, синяки, что ли?!

— Нет! — хором ответил мы.

— Громче, не слышу! Кто мы, синяки?!

— Нет!!!

— Громче!!!

— Нет!!!

* * *

Мальвину мы все-таки не взяли. Пока мы ехали, Дэн на заднем сиденье через телефон снимал номер в отеле в Сергиевом Посаде. А у меня ветер, ветер шумел в ушах, словно хотел сказать что-то. Я думал, это из-за открытых окон. Но нет, стоило нам встать на светофоре, ветер не утихал, а начинал шуметь еще громче, как будто теперь ему ничего не мешало.

— Люкс бери, люкс! — кричит Артем. — Горе, там у меня в бардачке зажигалка, дай сюда.

Я лезу в бардачок, и мне под ноги выпадает диск. «Натали», — читаю я.

— Артем, я музыку поставлю?

— Валяй!

Я ставлю.

— Что это за говно? — кричит Артем. — Немедленно убери!

— А мне нравится, — говорит Дэн. — Только странно, откуда у тебя?

— Ну, работа такая... Валяется там уже несколько лет.

— Неплохой припев, что скажешь, Горе? — Дэн обращается ко мне. — Подпоем?

Мне тоже нравится. Очень выразительно она поет!

— О боже, какой мужчина, — начинаю я вместе с припевом, — я хочу от тебя сына, и я хочу от тебя дочку! И точка, и точка!

Дэн поет тоже. Мы поем громко, вовсю, Артем молчит. Песня закончилась.

— Горе, давай по новой!

Я ставлю еще раз.

Дэн обливается пивом — оно выливается прямо на его бежевые штаны. Вид у него такой, как будто он обоссался.

— Черт, — говорит он. — Ну ладно! О боже, какой мужчина! Я хочу от тебя сына, и я хочу от тебя дочку...

— И точка! И точка! — в азарте кричу я.

Солнце льется в салон машины, оно золотит наши руки, гладит лица, блестит в счастливых глазах Дэна. У меня почему-то появляется ощущение праздника.

Я включаю в третий раз, и мы поем.

— Если вы не заткнетесь, — вдруг злобно орет Артем, — я вас высажу на хер и поеду один! Я вам обещаю! Я точно говорю!

Но мы не боимся и поем еще громче.

— Блин, — говорит Артем и тормозит.

— Ты чего, серьезно? — спрашивает Дэн. — Да поедали, мы не будем больше!

— Поздно, гаишники тормознули.

К нам подходит человек в форме, представляется.

— Ваши документы, пожалуйста.

Потом смотрит внимательно не Артема, на меня, и говорит:

— Выпили?

Я понимаю, что это финал, мы не просто выпили, мы пьяные совершенно.

— Товарищ полицейский, — вдруг жалобно лопочет Артем, — мы тетю беременную везем в роддом! Дело срочное! Рожает!

Гаишник заглядывает в салон и видит на заднем сиденье Дэна. Дэн небритый, в бейсболке, в толстовке с капюшоном и в мокрых штанах. На тетю он не похож абсолютно. Тем более беременную.

«Вот и приехали, — говорю про себя я. — Прости нас, Господи».

— Поезжайте, — говорит гаишник и отдает Артему права, страховку и ПТС.

— Спасибо! Спасибо! — с придыханием отвечает ему Артем.

Мы отъезжаем. Некоторое время едем молча. Наконец Дэн спрашивает:

— Что это было, парни? Он меня что, правда за беременную тетю принял?

— Мм, — мне кажется, что меня осенила догадка, — возможно, он решил, что у тебя воды отошли?

— Заткнулись! — взрывается Артем. — Заткнулись оба! Еще одно слово — и я вас убью!

Мы едем молча. Тут Дэн хихикает. Я, слыша это, тоже начинаю хихикать. Артем смотрит на него в салонное зеркало с убийственным видом.

* * *

Ехать еще долго. Артем расслабился и стал пить виски из горлышка. Он опять вспомнил про теорию вероятности.

— Теперь бояться точно нечего! Два раз подряд никогда не останавливают!

— Парни, а мне хочется Марине написать, — говорит погрустневший Дэн. — Нестерпимо!

— Ну так напиши, чего же ты! Напиши! — сказал я.

— Я бы после того, что было, не стал, — возразил Артем.

Дэн молчит и смотрит в телефон. Но ничего не пишет.

— Мне одиноко очень, — наконец говорит он. — А с ней было бы не так.

— Черт, Дэн, — восклицаю я и тут же крещусь, потому что вспомнил лукавого, — но у тебя же есть мы!

* * *

— Ребят, мы сюда для чего ехали? Чтобы гашиш курить?

В номере висит дым и едкий запах. Валяются прожженные пластиковые бутылки. Никому не весело вообще. Я не понимаю, зачем мы сюда приехали. У меня на душе тяжкий груз и ощущение катастрофы. Я боюсь выглядывать в окно, как будто мне страшно встретиться глазами с Богом. У Дэна распухшие глаза, Артем лежит с сигаретой на полу и смотрит в потолок.

— Парни, — не выдерживаю я, — пошли хоть в лавру, мощам поклонимся! Здесь Сергей Радонежский лежит, святой. Будет нам благодать.

— Сейчас, — говорит Дэн с сарказмом.

— А почему нет? — неожиданно соглашается Артем. — Хоть какое-то развлечение.

Мы собираемся и выходим. Дэн тяжело переставляет ноги, его покачивает.

На улице нас обжигает утро. Солнце пугает, хочется забиться в нору.

В машине Артем достает кокаин, зачерпывает прямо из пакета фильтром сигареты «Парламент платинум» и нюхает. По целому фильтру в каждую ноздрю. Потом дает Дэну. Потом мне.

— Я не буду, — говорю я. Но потом почему-то нюхаю, с какой-то мучительной горечью в душе.

Мы едем — наш отель в нескольких километрах от центра, но ясно, что эти километры пешком не преодолеть.

— Надо попить, — говорит Дэн и останавливается у магазина.

В тот момент, когда я открывал дверь машины, мне полегчало. Правда, жутко онемел нос, как будто мне вкололи что-то вроде лидокаина. В открытом кафе рядом с магазином играла музыка.

— Что это? — спросил я, потрясенный голосом певицы.

— Это Эми Уайнхаус. Back to Black. Нравится?

— Еще бы! Как она может не нравиться!

Я вслушиваюсь в ее голос, и он меня завораживает. Хотя я не понимаю ни слова по-английски, ее неизбывная печаль пронзает мое сердце, и на глазах наворачиваются слезы.

— Горе, ты чего творишь? Это вообще никак не танцевальная музыка!

Тут я понимаю, что пытаюсь под нее танцевать.

— А мне по хрену, — отвечаю я и продолжаю.

— Ладно, — говорит Дэн, закуривает и тоже начинает танцевать.

Люди из проезжающих машин с интересом смотрят на нас. Прохожие останавливаются с улыбками. Внимание посетителей в кафе приковано к нам.

— Ну хорошо, — сдается Артем. — Только вы вообще говно-танцоры. Смотрите, как правильно.

Мы танцуем втроем. Эми заразила нас своей болью, и нам хочется передать это чувство в движении, выразить жестами то, что у нас на душе.

Со всех сторон на нас смотрят купола церквей. Между облаками летят птицы. В те моменты, когда я делаю резкие повороты, мне кажется, что я вижу свои уши.

Песня кончена. Мы остановились. В кафе аплодисменты.

— Дайте чего поживее, — кричит Дэн.

Спустя минуту в самом деле включают.

— Человек знает толк, — удивляется Артем. — Это то, что надо.

Музыка бодрая, она молотит в такт сердцу. В ней уже нет печали, а только дикий задор и угар. Это музыка клубной ночи.

Артем поражает меня своей пластикой, в движении он преображается, как тогда, в клубе за пультом, он становится похож на демона. Дэн не так хорош в танце, но тоже старается.

Люди вокруг смеются, хлопают. Парень с бутылкой пива подходит и кладет на стол рядом с нами сто рублей.

Я вдруг понимаю, что мы сейчас еще и заработаем.

* * *

Очередь к мощам Сергия оказалась превеликой. Что и хорошо, потому что только через усилие дается благодать. Что получить просто, то не принесет духовной пользы. Ибо дорога порока широка, пряма и покрыта свежим асфальтом, а путь добродетели крут и тернист.

Среди паломников было много разных. Но больше всего согбенных старушек, женщин за сорок с печатью просветления на челе, и немолодых мужчин с бородами и удивительно гладкими и свежими лицами. Вот не знаю, в чем дело, но такая публика чаще всего встречалась мне в церковной среде.

К сожалению, в детстве произошел у меня неприятный случай, когда матушка привозила меня сюда поклоняться мощам. Мы приехали тогда рано, на рассвете, чтобы не стоять долго в очереди. Я был маленький и хворый, и она не хотела, чтобы я получил благодать через усилие. Но все равно народ уже собрался — те самые согбенные старушки. Никого не было кроме них, странно. Помню их выгнутые спины, морщинистые лица под платками и злобные тревожные взгляды. Им явно нужна была божья помощь, это я сразу понял.

Вход они окружили плотным кольцом. Палило солнце, было жарко и душно, мне хотелось пить и в туалет. Но отойти мы не могли — вот-вот должны были открыть.

Мы с матушкой стояли в этом кольце. И едва двери распахнули, как старушки рванули к мощам, пихаясь колючими локтями. Так сильно было их стремление к благу, что они чуть не задавали меня насмерть. Мама выволокла меня оттуда, положила прямо на дорогу, а какой-то прохожий отдал ей бутылку с водой. Эту воду она вылила мне на лицо. К мощам я тогда так и не попал, поэтому сейчас не мог упустить шанс.

— Горе, пойдём отсюда, — сказали мне братья, — ты видишь, что здесь творится?

— Нет, — твердо сказал я, — мы никуда не уйдём. Если вы уйдёте, то я приду, спущу в унитаз всю вашу наркоту и разобью машину.

Я видел, что им не по себе и тяжело, но тем лучше. Это бесы бунтовались в них, чувствуя близость святого. Хорошо, думал я, страдайте, через страдание дается очищение.

В общем, мы отстояли. Хотя вели себя братья постыдно — все время отходили то покурить, то за пивом, то еще что. Шутили на непотребные темы, кривлялись, короче — бесновались.

Когда наша очередь настала, мы пошли сразу вторым, я позади, а впереди братья. Я положил им руки на плечи и повел их. Служитель хотел воспрепятствовать, но я сказал ему, что братья мои болезненные и я их сопро-

вождаю. На это они глупо захихикали, так что служитель поверил.

Ну, приложил я их лицами к зацелованному стеклу, под которым обретаются мощи, и отпустил, и они, хоча, ушли.

Я уже упал на колени, и обхватил руками раку по всей длине, и подивился, каким же маленьким был подобный! Или это просто я очень большой? Обхватил, прижался к стеклу губами прямо в том месте, где его лик, и стал жадно целовать. Тут меня словно током прошибло, что-то будто от раки полилось в мое тело, охладило, пробрало.

— Прости меня, Господи! — прошептал я. — Прости меня, уroda и дегенерата! Я сам сбился с пути, да и братьям моим потакаю! Прости нам и наставь!

И слезы хлынули у меня из глаз и полились на стекло, и я тихонечко завыл от охватившего меня чувства.

Тут меня за руки схватили и потащили прочь, хотя я и цеплялся за раку. Уж не знаю, чего они, наверное, решили, что я хотел забрать святого с собой.

* * *

На обратном пути вел Дэн. Точнее, это не был обратный путь, потому что ехали мы непонятно куда. Дэн курил одну за другой. Едва докуривал, как брал новую. Каждый раз, прикуривая, он кидал руль, так как в открытые окна дул сильный вечер и надо было закрывать пламя. Я из-за этого очень нервничал.

— Дэн, давай я тебе буду прикуривать?

— Нет.

— Тогда давай окна закроем.

— Нет. — Дэн бросает руль и закуривает.

Машину ведет в сторону. И тут я вижу божье знание: мы проезжаем Покровский женский монастырь.

— Парни, — кричу я, — давайте заедем в женский монастырь!

— Женский? — интересуется Артем. — Мысль. Но я слышал, что все монахини либо старые, либо страшные.

— Да там источник святой воды! Благодать!

Дэн резко поворачивает, нас с Артемом кидает вбок, мы сворачиваем к монастырю. Потом бросает руль, закуривает, нас выносит на обочину, он бьет по тормозам.

— Что-то я не могу уже курить, вот реально, — говорит он, — не лезет.

Кашляет, сплевывает и затыгивается.

Мы выходим из машины. В глазах у меня рябит.

Артем достает свою трубочку.

— Быстро, парни, быстро, пока нет никого!

И, Господи, прости меня, я не только не воспрепятствовал им, но и тоже затынулся! Затынулся, подержал в себе секунд десять и выдохнул.

Тут случилось что-то странное. Мне стало казаться, что мы стоим у машины очень долго. Вот стоит Дэн, вот Артем, они куда-то смотрят. Вроде надо идти, но у меня парализовало волю. А время идет, идет, и у меня такое ощущение, что его проходит очень много. Я начинаю речь и о чем-то долго говорю. Но на полуслове вдруг забываю, о чем я говорю.

— Парни, я вот забыл, о чем я сейчас вам говорил.

— Ты молчал, — отвечает Артем.

Я пытаюсь сообразить, что мы здесь делаем, и вдруг вижу ворота Покровского монастыря.

— Сколько можно стоять? — говорю я. — Пойдем уже!

— Мы тут стоим меньше минуты, — смеется Артем.

Дэн с отупевшим видом смотрит на меня. Потом глубоко вздыхает.

— А мне кажется, что я здесь вечность. Что это за трава?

— Лучшая! — отвечает Артем. — Короче, вы идти можете?

Мы киваем и все вместе идем. Я смотрю, как мои ноги, уходящие куда-то далеко вниз, медленно и плавно ступают по дорожке, точно ходули. Боже, думаю я, с такой скоростью мы будем идти до монастыря несколько часов. Однако внезапно мы оказываемся в монастыре.

* * *

— Сестры, сестры! — кричу я, и голос эхом отдается у меня в голове. — Где здесь святой водицы можно напиться?

Но сестры обтекают меня по сторонам. Мы болтаемся по подворью.

— Мы что здесь делаем? — наконец спрашивает Дэн.

Артем тоже не совсем понимает.

Наконец одна инокиня ответила:

— Вы зачем сюда приехали? Источники в лавре, есть еще Гремячий ключ, но он подале. А здесь хранятся мощи преподобных родителей Сергия... Хотите поклониться?

— Хотим, хотим! — восторженно воскликнул я, но заметил тревогу в ее глазах.

— Нет, — резко возразил Артем. — При всем уважении, мне уже хватило с мощами Сергия. Братва, уезжаем.

— Счастливого пути! — с улыбкой облегчения сказала она и перекрестила нас.

* * *

— Вот он, вот он! — закричал я, размахивая руками. — Вот он!

Я показываю им Успенский колодец рядом с Успенским собором, мы вернулись в лавру. Я узнал его, именно из него я пил воду в детстве, когда меня привозила мама.

— Тише ты, тише, — Артем с опаской озирается, — а то нас заберут.

Немилосердно жжет солнце. Как тогда, когда я был маленьким. Но вот тогда я воспринимал это как должное и не роптал! Я бросился к источнику, схватил кружку, наполнил и выпил залпом. Холодная вода обожгла высушенное горло.

— Гррррр, ууууух, — сказал я. — Друзья, с этой водой в нас войдет Святой Дух. Конечно, это не очистит нас от греха, грех отпустит нас только после таинства исповеди. Но разве вас затащишь на исповедь? И все же эта вода несет благодать — тому, кто верует!

— А мне кажется, на сегодня нам хватит уже благодати, — бормочет Дэн.

Я наполняю кружку заново и протягиваю Артему.

Он берет ее, смотрит задумчиво, и говорит:

— А пить-то и не хочется...

Я машу рукой и отхожу в сторону.

Купола, вокруг купола, кроны, посредине синее-синее небо, пухлые облака и птицы. Я закидываю голову, раскидываю руки, чтобы изобразить из себя птицу, и попадаю какому-то пожилому прихожанину по лицу.

— Простите! — говорю я ему, и снова раскидываю руки, и смотрю в небо.

Потом закрываю глаза. Ветер дует мне в лицо, завывает в ушах. Я плавно покачиваюсь, маневрирую в струях воздуха, я лечу.

— Молодой человек! Молодой человек! На выход! — Это ко мне спешит охрана.

Но все же мне удается вырваться из их цепких лап, обернуться к источнику и перекреститься. Они, чувствуя мою силу, не настаивают, но все же подталкивают к выходу. Братья идут за мной.

* * *

Не знаю, зачем мы ездили в Посад. Это был какой-то абсурд. Как будто мы с Артемом могли заменить Дэну Марину. Но одно радует — к мощам приложились и святой воды испили.

Мы сидели на даче.

— Тяжело было, — сказал Дэн, — я только сейчас вроде отошел. Но весело, конечно, вспоминать. Трип так трип. Но любой трип заканчивается. Как и жизнь. Жизнь — это ведь тоже трип. Однажды она вдруг закончится, и ты подумаешь в последний момент: а весело было... Или не весело.

Тут распахнулась дверь и вошел Артем с Мальвиной, напустив тучу комаров. Она уже приезжала раньше вместе с Артемом. Появились у них какие-то общие делишки, подозреваю, что на почве наркоты. Хотя всем было ясно, что приезжает она ради Дэна. Очаровалось ее девчачье сердечко моим братом, и верилось ей, что он тоже к ней равнодушен. Дэну понимал это, ему ее, в общем, было жаль и мучить ее он не хотел.

Она не знала, как обратить на себя внимание, и все ходила вокруг него, внезапно опиралась на плечо, задевала, шутила, заглядывала в глаза. Я заметил, что ее улыбка потеряла уверенность — так бывает, когда человек вдруг становится зависимым. Его это заметно раздражало, потому что в мыслях он был совсем не с ней.

И вот в этот раз, когда она явилась вдруг с Артемом, вся такая воздушная, игривая и смешливая, но болезненно тревожная, Дэну решил с ней поговорить. Он взял ее за руку и сказал:

— Ты очень классная девчонка. Но, прости, я люблю другую. Ничего поделать с этим не могу. По-

верь, если бы не это, то я мечтал бы о такой классной, как ты! Не приезжай больше сюда. Это далеко, дорого, не хочу даже думать, где ты деньги на это берешь...

Она вырвала свою руку. Я заметил, как сжались ее губы, как мгновенно побледнела она и как испуганно метнулся взгляд.

— Данила Сергеевич, — сказала она насмешливо и с вымученной улыбкой, — не волнуйтесь, я больше к вам не приеду.

Она повернулась ко мне:

— Горислав, на станцию отвезете?

— Конечно!

Дэну сидел на своем месте и курил, не глядя на нее.

Она хотела выйти, потом передумала и подошла к нему, стараясь выглядеть веселой.

— Данила Сергеевич, попомните мои слова. Придет время — и со мной у вас случится то же самое, что и с этой вашей Мариной. И вы очень будете жалеть, очень. Я вам это обещаю.

Так уверенно она это сказала, с такой твердостью и напором, что я поверил. Не дай бог, подумал я, хватит уже ему приключений, пора и о тихой жизни подумать.

— Иди уже, — спокойно ответил Дэн, по-прежнему не глядя на нее.

Мы пошли к машине. Я сел за руль, она позади. По дороге она плакала и тихо что-то говорила сама себе, я видел это в салонное зеркало. Мы не разговаривали, только один раз она вдруг спросила шепотом то ли себя, то ли меня:

— За что же так больно? Почему так бывает?

— Это нам Господь Бог посылает, — сказал я. — Во искупление грехов.

Она ничего не ответила. На станции она, не попрощавшись, быстро вышла и направилась к платформе.

* * *

Что интересно, Марина приезжала еще раз к Дэну. Не знаю, зачем. Он пытался делать ей какие-то признания, лепетал что-то о любви, но она в ответ молчала. А потом написала ему, что вступила в отношения. Артем в этой связи сказал с усмешкой Дэну:

— Неужели непонятно, что у нее к тебе был просто секс? Бывший преподаватель, круто, все такое... Экзотика. А так на фига ты ей сдался, старик?

Дэн вроде расстроился, но не очень, кажется, даже какое-то облегчение испытал.

Но все же Марина была у него в сердце, он не мог просто выбросить ее — для этого пришлось бы выбросить с куском сердца. Хотя однажды у него и такое было. Но это другая история.

В общем, он решил последовать примеру одного из своих любимых писателей — Бенвенуто Челлини, который, не имея возможности встретиться с любимой, просто завел себе другую любовь.

Поэтому за один вечер он пригласил на свидание больше двадцати девушек, и всех в одну и ту же неделю. В итоге вышло так, что в некоторые дни у него было по три свидания.

— Ох и тяжело мне, — признался он как-то, — я уже пожалел об этой затее. Я вообще-то не люблю свидания, мне на них как-то мучительно и неловко...

— Ну а чего ты столько-то пригласил? Не перебор, Дэн? — спросил Артем. — Ты если со всеми ними встречаться будешь, от истощения умрешь.

— Я просто не хочу больше с кем попало, — ответил он, — я хочу с той, которая мне будет нравиться по-настоящему.

И вот он надевает кроссовки, прямо на глазах грустнеет, потому что ему не хочется ужасно идти ни на какие свидания, и уныло прощается:

— Давайте, парни... Ну я пошел.

— Удачи, Дэн! — говорю я.

— Ни пуха, — кивает Артем.

* * *

В какой-то момент Дэн решил отдохнуть от романтических свиданий и пошел за грибами в лес. Он большой любитель по лесу побродить, грибы пособирать. Время такое пока не грибное было, но вот он решил, что подосиновики должны уже пойти. И пошел. Надел сапоги резиновые, грибные штаны, толстовку с капюшоном, привесил к поясу мясницкий нож.

А дальше я уже рассказываю с его слов, что и как было. Я с ним не пошел, не люблю змей и кабанов. Поэтому рассказываю по-простому, как умею, у меня язык не подвешен, как у него.

Путь его лежал через болото. Не учел он, что сильные дожди шли, все затопило. Забрался в болото и стал вязнуть. Надо было обратно повернуть, но характер у него такой, что он никогда не идет в обход. В какой-то момент совсем тяжело стало идти, ноги застревают, ухватиться не за что. Кругом кабанье дерьмо и еще чье-то, но ему было не до того, чтобы разбираться, чье именно. Почва под ногами вроде есть, но если сделать шаг, то как будто глубже вязнет. И вот увяз он совсем, по грудь. Чуть двинется — проваливается сильнее. И сил уже нет идти.

Остановился он, смотрит по сторонам, нигде рядом не видно твердой земли. А тропа-то, куда ему надо было и где подосиновики начинаются, совсем рядом, метров двадцать.

И тут до него дошло вдруг, что он уже не выплывет. Что в этом болоте он и утопнет. Над головой синее небо, белые облака, такие близкие, как будто рукой можно дотянуться, но такие далекие. И солнце, солнце грело лицо и руки, как будто он не в болоте, а где-нибудь на пляже. Солнце всем светит одинаково, даже покойникам, почему-то подумал он. Жалко ему вдруг стало, что не успел он никакой записки оставить, сказать близким что-то важное, что надо было, но так и не сказал.

Тут он рукой нащупал корень. Уцепился и стал ползти вдоль него. Только корень как будто вглубь уходил. Но делать нечего, других вариантов не было, хотя в какие-то моменты и пришлось с головой окутаться.

Дэн все-таки выполз на тропу. Весь в грязи, нахлебавшись болотной жижи. Упал лицом на землю и лежал

так неподвижно долго. Его жрали комары, еще какие-то гады, где-то невдалеке похрюкивал кабан, но ему не было дела.

Потом поднялся и пошел. Принес всего три подосиновика.

— Знаешь, Горе, — сказал он мне, сидя уже за столом, — оказывается, когда думаешь, что тебе конец, ты видишь перед глазами лицо самого дорогого тебе человека.

* * *

Под вечер Дэну стало совсем плохо. Его бил озноб и сильно рвало. Видимо, от того, что долго в холодной воде сидел и нахлебался болотной жижи. Поднялась температура, мерить было нечем, но это я понял, прикоснувшись к его руке. Он закутался в одеяло и весь дрожал, говорил, что очень мерзнет.

Ночью он стал бредить и звал Марину. Я порывался несколько раз написать ей, но меня останавливало то, что ей явно было не до Дэна. Что бы я ей сказал? Тебя Дэн зовет в бреду, приезжай? Глупее не придумаешь.

Я уже хотел вызывать скорую помощь, но Дэн очнулся и попросил чая.

— Как ты? — спросил я.

Он ответил как всегда:

— Норм.

— Давай скорую вызову?

— Нет, все нормально, нормально.

Он уснул. А наутро проснулся уже получше, только ослабевший и серого цвета. Ну еще бы, рвало его изрядно.

— Горе, Горе, — позвал он меня слабым голосом.

— Что, что, Дэн? — подбежал я.

— Отвези меня на пляж, хочу умереть под солнцем, но не в болоте...

У меня сразу слезы на глаза навернулись, я закричал:

— Да что ты! Ты не умрешь! Я в больницу сейчас тебя отвезу...

Тут он сел на кровати и говорит нормально уже, с эдакой своей усмешкой:

— Да в порядке, все. Я пошутил.

— Ну ты и гад...

* * *

Приехали мы на озеро. А оно у нас там недалеко, минут пять на машине. Называется Луково. Потому что вроде как какой-то Лука держал там трактир много веков тому назад. А озеро круглое совсем и с островом

посередине. Раньше, говорят, там, на острове, было еще одно озеро, но его засыпали и построили детский лагерь.

Приехали, день солнечный. Разделись, сели на пещочке. Кругом по берегам сосны, вода блестит и плещется, веселые детские крики. Теплый ветерок волосами играет, как мама с малышом. И, конечно, небо, это вечно прекрасное, глубокое, синее небо — с облаками, такими близкими и такими далекими.

— Знаешь, — вдруг сказал Дэн, — а я отошел.

— От чего отошел?

— Да от всего.

Ну и все. Как обычно. Он такой, тяжелый собеседник, мысль любит не закончить. Как будто не с другими разговаривает, а с самим собой. Ладно, я привык, не стал его пытаться. Сидим, и так хорошо, без разговоров.

Тут к нам молодая женщина подходит, улыбается.

— Спасибо вам еще раз, спасибо огромное! Уж не знаю, что мне сделать для вас! Что же вы так и не пришли к нам? Мы вас ждали, ждали, Анечка расстраивается, что дядя Данила не приходит.

В общем, она это все Дэну. И тут эта самая Анечка подбегает — девчонка лет трех, Дэну незабудку протягивает и лопочет что-то. Что у нее куча игрушек есть и она все ждет-ждет его поиграть, а он не идет никак.

Дэн цветочек взял, Анечку по голове погладил и поднялся.

— Извините, — говорит. — Никак не получается.

И пошел куда-то, задумчивый такой.

— Это что же, — спрашиваю я, потрясенный, — Дэн отец ее, что ли?

Женщина засмеялась:

— Да что вы, какой отец. Он девочку мою спас, когда она тонула. Да потонула уже. Он ее в этой мути нашел и откачал. Век за него молиться буду.

— Вы верующая? — радостно спросил я.

— Чего? — рассеянно посмотрела она на меня.

* * *

Дэн совсем пропал, я его почти не видел и не слышал. Артем работал, а я целыми днями сидел на даче один. Не помню, сколько я так провел времени, но много. Погода стояла не очень, шли дожди, и все в природе выглядело так, как будто это не лето, а осень. Сад залило до такой степени, что я оказывался по щиколотку в воде, поэтому я старался не выходить. Иногда прояснялось вдруг, выглядывало солнце, и казалось, что вот оно, наступило настоящее лето, зелень стала ярче, воздух теплее, но тут же поднимался ветер, темнело, налетали тучи, гремело и ударял ливень.

Так что я сидел, пил пиво, курил, много-много курил, и смотрел в окно. Да, я сбился пути. Мне стало не до моих обетов. Потому что я думал о Мальвине.

Ее образ так крепко засел в моей душе, что я никак не мог его прогнать. Причем я видел ее перед собой не накрашенную, а настоящую — веснушчатую, с поджатыми губами и злым взглядом. И эти воспоминания всякий раз отзывались болью в моей душе. А мы ведь с ней не ладили, и не было ей никакого дела до меня. Но я засыпал с мыслями о ней и с мыслями о ней просыпался. Каждую минуту, чем бы я ни занимался, я мечтал о ней.

— Господи! — воскликнул я однажды в порыве. — Почему мы не вместе! Я так хочу, чтобы она была рядом!

Это был искренний порыв. Мне становилось жутко от того, что она не со мной. Но с другой стороны — подлый прием, ведь я знал, что Господь слышит мои молитвы. И взывая так к нему, я втайне, в глубине души надеялся, что он исполнит мое желание. Хотя и понимал я очень хорошо, что прошу не о благе, а о грехе.

И Господь услышал меня.

Она позвонила мне. Наверное, телефон взяла у Артема.

— Привет, — сказала она, и мое сердце замерло. — Что делаешь?

Я, охваченный странной дрожью, ответил:

— Ничего. Сажу на даче.

— Хочешь, приеду.

Я замолчал. Я этого очень хотел, еще бы! Я мечтал об этом. У меня перехватило дыхание и комок в горле встал.

— Что ты там хрипишь?

Но я молчал, ибо знал: она не должна приезжать.

— Слушай, ты так и будешь молчать?

— Хочу, — ответил я. — Я очень этого хочу.

И она приехала. Приехала, села напротив меня и стала смотреть в глаза. Я же не мог смотреть на нее. О, как прекрасна она была! Свои всегда распущенные волосы она собрала в хвостик, полностью открыв лицо, и от этого ее голубые глаза стали как будто еще больше и ярче. Она улыбалась, глядя на меня, показывая зубы, как хищник, готовый съесть свою жертву. И я рад был быть этой жертвой, я бы очень хотел, чтобы она меня съела. Я готов был подставить ей свою шею.

Видимо, вид у меня был очень жалкий, потому что она сказала:

— Ну что ты как кролик? Такой большой и сильный, а выглядишь как... Не знаю, как.

Я виновато ссутулился.

Мы некоторое время сидели молча.

— Знаешь, Горислав, — наконец сказала она, — ты ведь на самом деле не чудовище.

— А кто? — выдавил я.

— Красавица.

Я криво усмехнулся.

— Я серьезно. Ты очень красивый. Это твой брат чудовище. Но шансов превратиться в принца, я боюсь, у него ноль.

— Я ужасно страшный, — ответил я.

— Нет. У тебя самая чистая душа, что я встречала. Ты прекрасный.

И так она это говорила, что я понял, она не шутит. Без обычных своих ужимок и усмешек.

— Я на самом деле не такой. И ты же любишь Дэна.

— Да. Это так. Девушкам нравятся всякие уроды. И козлы.

Тут она опять улыбнулась, и я невольно тоже в ответ улыбнулся.

— Дэн не урод, — сказал я. — Просто...

— Что просто?

— Так сложилось...

— Ой, ладно. Не важно это. Не хочу слушать, в кого он там влюбляется.

Она встала. Я подумал: вот, мелкая, я почти вполвину выше.

— Горислав, давай займемся любовью.

Я немедленно подавился пивом и закашлялся. Тако-го мне еще никто не говорил никогда. Откашлявшись, я переспросил:

— Чем?

— О'кей. Давай потрахемся, если так проще.

— Ну как же без любви-то?

— Почему без? Я думала, ты любишь меня. Я замечала, как ты смотришь на меня.

— Извини...

— Да что «извини»! Мне, наоборот, нравится. Ты без похоти смотришь, не как все эти мужики.

Я не хотел вдаваться, что это за мужики, мне это было неприятно. Я просто покраснел и покачал головой.

— Пошли наверх? — Она подошла ко мне вплотную.

И тут я, вдруг охваченный дикой страстью, вскочил и попытался ее поцеловать, но вышло не очень, потому что для этого мне пришлось согнуться вдвое. Она хихикнула от этой моей попытки. Тогда я взял ее на руки — легкую, как бутылка с пивом, прости мне, Господи, это

сравнение, но почему-то это мне пришло тогда в голову, и понес. Понес наверх, на диван. Она обхватила мою шею руками и целовала меня, мне же приходилось изо всех сил косить глаза, чтобы видеть, куда иду, и не свалиться с лестницы, потому что ее голова совершенно закрывала мне обзор.

Я бросил ее на диван, и она отпружинила от него, как воздушный шарик.

— Полегче, милый, а то я так об потолок ударюсь, — засмеялась она.

Но мне было не смешно. Меня трясло так, что даже колени дрожали. Я смотрел на нее яростно, с обжигающим вождением. Она внимательно следила за мной, мне кажется, она немного испугалась моего взгляда. Одним движением я сбросил штаны вместе с трусами.

— Боже! — прошептала она. — Какой огромный...

— Не поминай имя Господа Бога твоего всуе, — строго сказал я.

Тут зазвонил телефон. Я наклонился к штанам, чтобы вытащить его.

— Не надо. — Она протянула руку, чтобы меня остановить. — Не отвечай.

Но я ответил. Это был Артем.

— Горе, беда! Дэн в реанимации в коме... Надо ехать!

— Что случилось?

— На него какая-то гопота у подъезда напала, арматурой избили, вроде дела совсем плохи. Я приехать не могу, в Питере.

По моему лицу Мальвина поняла, что речь о Дэне.

— Что с ним? — спросила она.

Я объяснил, вызвал такси, мы быстро собрались и поехали. Мы не разговаривали. Я молился и часто крестился.

— А я чувствовала, что он где-то поддыхает, — вдруг зло сказала она.

* * *

Я бегу по белому коридору, который заканчивается дверью в реанимационное отделение. Стучу. У стен стоят люди с печальными лицами, здесь лежат их родные. Открывается дверь, выходит человек в белом халате и сразу закрывает дверь за собой, загораживая ее спиной. Вид у него усталый, его не пугает мое состояние, он уже привык к тревожным родственникам.

— Здесь! — кричу я ему. — Брат мой! Данила...

— Не кричите, — спокойно сказал он. — К нему нельзя. Ждите.

Он открывает дверь, чтобы уйти. Я хватаю рукой створку и не даю закрыть.

— Как он?!

— Без сознания, — равнодушно отвечает он.

Он уходит, я остаюсь в коридоре. Надо мной моргает лампа. Мне не по себе, я не знаю, что делать.

Лысый мужик с кислым лицом вдруг говорит:

— Если не пускают, значит, все.

— Что все? — спрашиваю я.

— Все, — повторяет он и разводит руками.

— А если я тебя сейчас вон в тот лестничный пролет брошу, то как думаешь, будет все или не все?

Он замолкает и отворачивается. Мальвина стоит в стороне. Она вообще не понимает, что делать в таких ситуациях.

Открываются двери лифта и завозят каталку. В каталке лежит старик в трубках, его трясет. Он в агонии, и мне кажется, что я вижу саму смерть.

— Я хочу домой, — говорит Мальвина.

Она начинает осознавать, что встряла в какую-то дикую ситуацию.

— Поезжай! — Я тоже считаю, что ей здесь не место. — На, возьми деньги на такси.

— Я останусь, — решает она.

Лампочка мигает. Я стою с закрытыми глазами и молюсь про себя.

И вдруг вижу странную картину. Я на набережной, я иду, светит не жаркое солнце, дует легкий ветерок. Я узнаю — это же Крымская набережная. Ее рука в моей руке. Я поворачиваю голову и наконец понимаю — это Мальвина. Она улыбается мне, так просто и легко, а я улыбаюсь ей, и мне очень классно, просто потому что она рядом со мной. Я замираю от счастья. Мне ведь и не нужно ничего больше, и я не хотел ничего другого, просто идти вот так вот, и чтобы рядом была она...

И тут же я вижу, как открываются двери в реанимационное отделение, выходит белый мужчина, лампа мигает в его глазах, и он говорит, обращаясь ко мне:

— Сожалею, ваш брат умер.

Я падаю на колени, прямо здесь, на пол, при всех и кричу:

— Господи! Помилуй его! Оставь его жить! Я знаю, ты слышишь мои молитвы! Я клянусь тебе, что никогда не буду больше пить, курить, принимать наркотики! Пускай я оглохну окончательно, пускай я буду всю жизнь один! Прости мне мои грехи, мою похоть и предательство! Я никогда больше не буду встречаться с ней!

Тут я указываю рукой на Мальвину, все еще стоя на коленях. Люди вокруг встревожены, они боятся, что я псих. Мальвина дико озирается, это уже слишком для нее. Она уходит.

Лампочка мигает, но я больше не слышу ее треска. Мне что-то говорят, но я не слышу. Мир погрузился в тишину, только шум прибоя в моей голове, накатывает и откатывает. Я в напряжении смотрю сквозь потолок,

туда, где на небесном троне сидит Он и держит в руках нити наших судеб.

— Господи! — кричу я из всех сил, но свой собственный голос едва различаю, как будто он доходит до меня сквозь толщу воды. — Помилуй его!

Открываются двери. Выходит белый мужчина с усталым лицом. В глазах его мелькает лампа. Он спокойно обращается ко мне, я не слышу. Я читаю по губам: «Будет жить».

* * *

Прошел месяц с тех пор, как Дэн вернулся с того света. Он перестал пить и с наркотой завязал. И все-таки стал встречаться с Мальвиной. Дэна она прямо-таки обожает и все время держится за него — то за руку, то на плечо ладонь положит, то за талию приобнимет. Что удивительно, это его не бесит, он ведет себя с ней очень ласково и как-то даже обходительно. В этом плане я его не совсем узнаю. Съездили они в путешествие, вроде как в Турцию, уж не знаю зачем, там же жара адова, лучше бы к брату нашему Степану поехали на Белое море, он лесным пожарником работает. Леса, море грибов, рыба... Правда, в это время комары и мошка — говорят, что когда она налетает, то от нее небо словно тучей закрывает. Ну и удобств особо нет. Но там так красиво, дух захватывает. Я бы с ними поехал. Когда я сказал об этом Дэну, он только посмеялся.

Я говорил с Мальвиной раз, предупредил о расстройстве Дэна, сам он ведь никогда не рассказывает, а это нечестно по отношению к тем, с кем он общается. Но ей без разницы. «У меня тоже бывает», — серьезно так ответила, и смотрит, не мигая, своими большими глазами.

— Тебе нельзя с ним встречаться! — горячо доказывал я. — У вас не выйдет ничего! Ты же маленькая еще, а он старше в два раза!

— Ничего, я его брошу, если он функционировать нормально перестанет.

Отвечает без улыбки, и я не пойму, серьезно она или издевается.

— У него психическое расстройство! У него каждую минуту настроение меняется, у вас никогда не будет нормальных отношений! Он же подонок!

Тут она улыбнулась.

— Горе, — впервые она меня так сокращенно, как брата, назвала. — Горе, ты извини, я тогда себя так вела с тобой... Просто тяжело мне было очень. Дай я тебя поцелую.

Я согнулся, чтобы она дотянулась, и она чмокнула меня в щеку, прямо как мама ребенка маленького.

А один раз я стал свидетелем их ссоры. Не знаю, из-за чего, но разговор был такой.

— Ты, наверное, думаешь, что ты жуткий красавчик и все такое? — это она ему говорит и смотрит бешено так.

— Ну, вроде того, — с ухмылкой отвечает он.

— Так вот, ты ошибаешься! Ты старый и жирный! И девушкам ты симпатичен только потому, что обаятельный. А вообще мне нравятся стройные спортивные мальчишки!

Ну, подумал я, сейчас он ее пошлет. Зря это она сказала, Дэн не из тех, кто терпит такие вещи.

Но, к моему крайнему удивлению, он промолчал, подумал, а потом отвечает спокойно:

— О'кей. Я займусь спортом.

— И еще, если ты будешь вести себя как мудака, я буду встречаться с другими. Понял?

— Понял.

— Ну ладно. Мир, старый жирдяй?

— Мир, — кивнул он.

Ее зовут Мальвина. И, надеюсь, она будет последней в его молитвенном списке.

* * *

Я полюбил гулять по Крымской набережной. Каждый день я приезжаю на Третьяковскую и оттуда старыми московскими улочками иду до реки. Мимо церкви святого Николая. Там начинается мой маршрут. Я знаю, здесь она ходила, каталась на велосипеде, вытворяла что-то с друзьями. У меня есть смутная надежда увидеть ее, но если бы такое вдруг и случилось, то я бы сразу спрятался. Я не стал бы подходить, и не только потому, что она встречается с братом.

Мне кажется, что в порывах ветра я угадываю ее запах. Мне не больно, нет. В чем-то это даже приятная печаль. Раз что-то могло случиться, но не произошло, значит, оно все-таки когда-нибудь случится. Не в этой жизни, не в этом мире, но все же. Дэн мне рассказывал про какую-то теорию, в которой утверждается, что существует бесконечное множество миров и многие из них очень похожи на наш. Значит, думаю я, есть и такие миры, в которых мои видения сбылись. Я нахожу в этом некоторое утешение.

Я не спеша прохожу Музеон, миную мост и выхожу на Пушкинскую набережную. Здесь уже у меня такое чувство, что я не могу ее встретить. Я сажусь на лавочку лицом к реке и долго так сижу. Мимо ходит очень много студентов. Они идут, как правило, компаниями, смеются, курят, и мне приятно смотреть на их юные красивые лица. Отчего-то я ощущаю себя упавшим деревом, которому осталось теперь только догнивать, но ему радостно, что вокруг начинается новая поросль и она тянется к солнцу.

И вот я опять так сижу и занимаюсь своим любимым делом — гляжу по сторонам, смотрю на облака, вдыхаю запахи, ловлю ушами ветер. Передо мной останавливается какая-то компания. Я не обращаю внимания, но вскоре понимаю, что они хотят что-то от меня. Я поворачиваюсь и вижу: это Лида, и с ней незнакомые мне ребята. Она говорит со мной, но я ничего не слышу. Я почти совсем оглох. Показываю ей руками, что не слышу. Она объясняет друзьям, потом садится на скамейку рядом со мной, берет мою голову руками, прижимается к уху и шепчет:

— Пойдем с нами?

Встает и смотрит на меня.

— С тобой я пойду куда угодно, — отвечаю я. Но очень громко, потому что не слышу сам себя.

Она закатывает глаза, ее друзья смеются. Не знаю, что они подумали, я всего лишь имел в виду, что полностью доверяю ей. Они стоят и ждут. Я встаю, и они с удивлением смотрят, как я разворачиваюсь во весь свой рост. Лида берет меня за руку и тянет за собой. Я иду с ними, и хотя сначала мне идти необъяснимо тяжело, как будто каждая нога вросла в землю корнями, постепенно мой шаг приобретает легкость. Они идут, весело болтают, а Лида, не смущаясь, держит меня за руку. Мне становится все легче и легче, и уже кажется, что мы стая птиц, которая летит над рекой.

Я смотрю на них и поражаюсь: как же так, почему они такие веселые, как будто весь мир принадлежит им, и ведь, наверное, даже не думают о Боге... Видя мой недоумевающий взгляд, они улыбаются мне. Я улыбаюсь в ответ.

И мир улыбается мне.

